

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ НАСЛЕДНИКА И ОТКАЗОПОЛУЧАТЕЛЯ КАК ВАЖНЫЙ ПРИНЦИП ИСПОЛНЕНИЯ ЛЕГАТА

BALANCING THE INTERESTS OF THE HEIR AND THE REJECTION RECIPIENT AS AN IMPORTANT PRINCIPLE OF LEGACY EXECUTION

S. Yavorsky

Summary. Based on an analysis of contemporary judicial practice and doctrinal provisions, the article identifies key legal conflicts arising in the execution of testamentary dispositions. It establishes that the protection of the rights of legatees by means of contract law alone is insufficiently effective. It identifies gaps in the procedural mechanisms of evidence and a lack of uniformity in notarial practice. The conclusion is made that specific legal instruments need to be developed for law enforcement agencies. Practical mechanisms for implementation are proposed: a clear algorithm of actions for legatees to formalise their rights, a detailed methodology for assessing the proportionality of the burden on the estate, and a simplified procedure for applying to a notary for execution. It is recommended that standardised forms of documents confirming the rights of the legatee be enshrined in law in order to minimise litigation.

Keywords: bequest, legatee, legatee, beneficiary, execution of bequest, balance of interests.

Яворский Сергей Анатольевич
юрист, ООО «ИТ АЛЪЯНС», Москва
491899@mail.ru

Аннотация. На основе анализа современной судебной практики и доктринальных положений в статье выявлены ключевые правовые коллизии, возникающие при исполнении завещательных отказов. Установлена недостаточная эффективность защиты прав отказополучателей средствами исключительно обязательственного права. Обнаружены пробелы в процессуальных механизмах доказывания и отсутствие единообразия в нотариальной практике. Сделан вывод о необходимости разработки конкретных правовых инструментов для правоприменителя. Предложены практические механизмы внедрения: четкий алгоритм действий легатария по оформлению прав, детализированная методика оценки соразмерности обременения наследственной массе и упрощенная процедура обращения к нотариусу за исполнением. Рекомендовано законодательное закрепление стандартизированных форм документов, подтверждающих права легатария, для минимизации судебных споров.

Ключевые слова: завещательный отказ, легат, легатарий, отказополучатель, исполнение отказа, баланс интересов.

Введение

Практика применения завещательных отказов часто приводит к спорам из-за неопределенности пределов исполнения по ст. 1138 ГК РФ, что нарушает баланс интересов, особенно в семейных отношениях. Анализ судебных дел выявляет необходимость реформ для защиты наследников от чрезмерных обременений и минимизации конфликтов. Настоящее исследование, опираясь на анализ практики, предлагает прикладные меры: стандартизацию нотариальных протоколов и досудебные механизмы урегулирования для повышения эффективности правоприменения.

Теоретические и стоимостные границы возложения

Кандидат наук Е.А. Низамова справедливо отмечает, что действующее законодательство не позволяет «достичь баланса интересов наследника и отказополучателя при исполнении завещательного отказа» [1, с. 29]. Предложения о закреплении исключительно обязательственной модели легата созвучны тезису кандидата наук

В.Г. Нестолыя о том, что «отказополучатель выступает в качестве кредитора наследника» [2]. Пусть этот подход верен в рамках классической доктрины, тем не менее он не отражает современной практики возникновения вещных прав у легатариев и требует пересмотра. Указанная конструкция также не в полной мере учитывает защитные механизмы, установленные законодателем.

Положения ст. 1138 ГК РФ защищают наследника от обязательств, превышающих стоимость наследственной массы, предотвращая споры. Завещательный отказ представляется гармоничным способом защиты наследодателем интересов близких, особенно в формате безвозмездного пользования жилым помещением. Исключение составляет лишь диспозитивная обязанность по внесению коммунальных платежей по ст. 678 ГК РФ.

Исследование кандидата наук Ю.В. Чесноковой и М.С. Никитина содержит вывод, что завещательное возложение исполняется до момента, «пока сумма, потраченная на его исполнение, не превысит стоимость наследства» [3].

Предложения о введении искусственных ограничений созвучны критикуемой доктором наук А.В. Бегичевым позиции о том, что «наследование возможно в форме сингулярного правопреемства» [4]. Данный подход противоречит действующей законодательной модели и предполагает неоправданный системный пересмотр наследственного права.

Позицию, основанную на п. 1 ст. 1175 ГК РФ, следует усилить ссылкой на ст. 416 ГК РФ, предусматривающую прекращение обязательств ввиду невозможности исполнения. Верно и то, что возложение может ограничить права наследника, минимизируя выгоду от наследства. Однако такое ограничение оправдано как выражение воли завещателя и соответствует принципу свободы завещания по ст. 1119 ГК РФ.

Логическим следствием принятия наследства является обязанность исполнить и связанные с ним обременения.

Приняв наследство, наследник не вправе от него отказаться (ст. 1157 ГК РФ) и обязан исполнить возложение в пределах стоимости наследственной массы. Для устранения коллизий необходимо законодательно детализировать механизм прекращения обязательств при недостаточности наследства и разработать способы защиты наследников от чрезмерных обременений.

Временные параметры легата

Также Ю.В. Чеснокова предлагает «установить конкретный срок для исполнения возложения неимущественного характера, который бы составлял три года» [3] для предотвращения уклонения наследника от исполнения легата. Данное предложение, по аналогии с завещательным отказом (ч. 3 ст. 1138 ГК РФ), содержит категориальную ошибку. Завещательное возложение отличается от отказа целями и структурой: оно служит общепольной цели, а не частному интересу, поэтому к нему не применяется срок давности, предназначенный для защиты имущественных требований.

Критикуя ригидные временные рамки, следует апеллировать к тезису И.П. Политовой о том, что «право пользования имуществом, полученным по завещательному отказу, сохраняет свою силу и в случае смены собственника этого имущества» [5]. Это положение подчеркивает вещно-правовой характер обременения и его долговременную природу, несовместимую с искусственными сроками.

Введение универсального срока для неимущественных поручений (уход за могилой, содержание животных) может нивелировать волю завещателя до административной формы, нарушая принцип свободы завещания по ст. 1119 ГК РФ. Кроме того, подобные возложения ча-

сто не обременительны и не требуют значительных затрат, что делает их временное ограничение юридически неоправданным.

В противовес унификации, более адаптивной представляется модель, учитывающая индивидуальные условия исполнения, например, предоставление наследодателю права установить срок исполнения в завещании. В случае спора обременительность исполнения может быть оценена судом по аналогии с нормами о невозможности исполнения ст. 416–417 ГК РФ, что согласуется с индивидуальной природой завещания.

Таким образом, предложение Ю.В. Чесноковой представляет формально-унифицированный подход, который игнорирует специфику института, его социальное назначение и несводимость к обязательственным моделям. Критикуемый подход игнорирует комплексный характер проблемы, поскольку, как верно отмечено, «отсутствие единообразия в правоприменении доказывает необходимость законодательных изменений» [6, с. 8], а не введения шаблона. Требуется разработка гибкой модели, учитывающей волю наследодателя, характер возложения и судебный контроль при конфликте интересов.

Процессуальные пробелы реализации легата

Кандидат наук К.В. Трифонова и М.С. Поляков полагают, что легатарий вправе «защищать свои права с помощью обязательственных исков» [7, с. 1315] на основании ст. 1137 и 393–398 ГК РФ. Данная позиция представляется ограниченной и вызывает теоретические и практические сомнения.

Легат является результатом односторонней воли наследодателя, а не договорного соглашения. Поэтому обязательно-правовые механизмы, включая взыскание убытков, не полностью соответствуют его природе, особенно при неимущественных действиях.

На практике нормы ст. 393–398 ГК РФ применимы лишь при чётко определённом и исполнимом содержании легата. Однако завещательные отказы часто формулируются абстрактно или касаются непередаваемых объектов, что затрудняет защиту в обязательном формате. Принцип эффективной судебной защиты (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) обеспечивает не только доступ к правосудию, но и реальное восстановление права адекватными средствами. Его соблюдение исключается при ограничении инструментария легатария обязательно-правовыми конструкциями, не соответствующими природе спорного правоотношения. Ограничение защиты обязательственными исками может лишать легатария эффективных средств защиты, таких как понуждение к исполнению или признание права. Для комплекс-

ной защиты необходим более широкий арсенал средств, включая механизмы ст. 12 ГК РФ.

Действительно, в правоприменении отсутствует исчерпывающий перечень действий легатария и унифицированный порядок выдачи нотариусами подтверждающих документов. Статья 1137 ГК РФ лишь возлагает обязанность на наследника, но не разъясняет процедуру обоснования прав легатарием в суде. Несмотря на законодательное закрепление демнационной модели легата, на практике регулярно возникают споры о его исполнении.

Схожую позицию занимает доктор наук Ю.Ф. Беспалов, указывающий, что «существо поведения в смысле ст. 1117 ГК РФ означает совершение умышленных противоправных действий» [8]. Однако это не исключает необходимости выхода за рамки обязательственных конструкций.

К.В. Трифонова и Ю.В. Чеснокова в своих выводах упускают, что защита может обеспечиваться не только обязательственными исками. Легатарий вправе обратиться с иском о признании добросовестным владельцем по ст. 302 ГК РФ или обжаловать действия нотариуса.

Таким образом, требуется законодательное закрепление чёткого алгоритма действий легатария, детализированной методики оценки наследства и стандартизированных документов для подтверждения его прав. Целесообразно внедрить упрощённую процедуру обращения к нотариусу за исполнением обязательств для минимизации сложностей при реализации прав.

Конфликт правовых традиций

Кандидат наук В.В. Моданов предлагает вернуться к римской модели ограничения завещательного отказа, дополнив ст. 1137 ГК РФ положением: «урезать право завещательного отказа в свою пользу, чтобы в итоге у него оставалось не менее одной четвертой части того, что он унаследовал» [9, с. 73]. Критикуя ориентацию на римские конструкции, отметим, что Ю.Ф. Беспалов верно указывает: «отстранение от наследования есть лишение права на наследство» [8]. Однако это не оправдывает механический перенос исторических моделей, игнорирующий принцип свободы завещания.

Римское право (*lex Falcidia*, I в. до н.э.) гарантировало наследнику не менее $\frac{1}{4}$ имущества вопреки завещательным распоряжениям. Российский порядок, в отличие от этого, не предусматривает «гарантированной» доли для наследника, не являющегося обязательным по ст. 1149 ГК РФ. Отечественный законодатель исходит из приоритета воли наследодателя (ст. 1119 ГК РФ), что особенно проявляется в регулировании завещательных отказов по ст. 1137–1139 ГК РФ.

Тем не менее сравнительно-правовой анализ показывает фундаментальные различия в правовых системах. Следовательно, предложение В.В. Моданова о прямом заимствовании римского института без системной адаптации неприемлемо, поскольку автор основывался на иных категориях субъектов, гарантиях и правовой философии.

Таким образом, заимствование римской нормы о «четверти» может нарушить баланс между свободой завещания и защитой прав обязательных наследников, подменяя одну доктрину другой без необходимой правовой адаптации.

Баланс интересов в правоприменении

При рассмотрении наследственного спора № 88-19236/2024¹ Восьмой кассационный суд анализировал отказ наследника Л.О.Ю. исполнять обязательство по ежемесячной материальной помощи Иоанно-Кронштадтскому монастырю по завещанию. Центральный районный суд г. Барнаула удовлетворил иск частично, истолковав завещание как предусматривающее финансирование только после завершения строительства новых объектов, опираясь при этом на лингвистическую экспертизу для уточнения воли наследодателя, выраженной в терминах «строящихся» и «указанных». Апелляционный суд изменил решение, но кассация отменила апелляционное определение, восстановив решение первой инстанции, указав на неправильное толкование условий завещания апелляцией, игнорирование специфики общепользовных возложений и доказательств невозможности исполнения в отношении существующего монастыря. Данное судебное решение представляет значительный интерес для обсуждаемой проблематики баланса интересов.

В контексте темы статьи решение кассации вызывает критические замечания относительно его соответствия ст. 1132, 1137, 1138 ГК РФ и доктринальным подходам. Толкование завещания на основе лингвистической экспертизы носит формальный характер и не в полной мере учитывает принцип свободы завещания, что потенциально ведет к чрезмерному обременению наследника обязательствами, превышающими стоимость наследства, без анализа невозможности исполнения по ст. 416 ГК РФ.

Логика суда противоречит доктрине о необходимости гибких сроков исполнения, предложенной Ю.В. Чесноковой, игнорируя при этом возможность прекращения обязательств при изменении обстоятельств. Решение

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2024 N 88-19236/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.09.2025).

недостаточно обосновывает баланс интересов, о чем пишет Е.А. Низамова, приоритизируя волю наследодателя без механизмов контроля добросовестности исполнения, что увеличивает риск коллизий и подтверждает необходимость стандартизации и реформ. Фрагментарное применение норм о невозможности исполнения делает решение уязвимым для критики в части полноты исследования и соблюдения принципа пропорциональности обременений, требующего, по В.В. Моданову, адаптации, а не прямого копирования исторических моделей.

Концептуальные выводы исследования

Исследование выявило противоречия между буквальным толкованием норм о завещательных отказах и фактическими обстоятельствами, при этом судебная практика не всегда следует принципам соразмерности обременений. Новизна работы заключается в синтезе доктринальных подходов: критике сингулярного правопреемства и анализе судебных precedентов для разработки единой методики оценки невозможности исполнения. Для устранения выявленных пробелов требуются

специализированные рекомендации судам по применению лингвистических экспертиз в спорах о завещательных возложениях и интеграция доктринальных позиций в судебные стандарты для обеспечения единообразия оценки добросовестности сторон.

Проблема баланса интересов при исполнении легата соприкасается с реализацией права пережившего супруга на обязательную долю. В обоих случаях сталкиваются частный интерес и пределы наследственных прав, определяемые стоимостью наследства. Неопределенность в выделе супружеской доли создает риски необоснованного обременения наследников либо нарушения прав супруга. Таким образом, совершенствование исполнения легата и защита обязательной доли супруга являются взаимосвязанными направлениями реформы, нацеленными на имплементацию принципов справедливости и правовой определенности. Перспективы исследований заключаются в сравнительном анализе практики различных юрисдикций для выработки универсальных критериев оценки сложных наследственных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Низамова Е.А. Гарантии прав наследника при исполнении завещательного отказа // Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III гражданского кодекса Российской Федерации): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 29–35. EDN ORINJP.
2. Нестолий В.Г. Вещный легат на недвижимость // Нотариус. 2020. № 6. С. 33–37. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-6-33-37. EDN OBSRL.
3. Никитин М.С. Сущность завещательного возложения как особого завещательного распоряжения // Научная статья года 2024: сборник статей XII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 февраля 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 54–56. EDN EHETTO.
4. Бегичев А.В., Слуту П.Д. К вопросу о критике сингулярного правопреемства в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2021. № 2. С. 7–11. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-7-11. EDN CIJWZ.
5. Политова И.П. Отражение принципа свободы завещания в нормах о наследовании России и Германии: завещательный отказ // Наследственное право. 2024. № 3. С. 8–10. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-8-10. EDN KNEDCM.
6. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смещение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9. EDN TSUPHK.
7. Поляков М.С. Институт завещательного отказа // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Симферополь: Типография «Ариал», 2023. С. 1312–1316. EDN UHHSXI.
8. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2. С. 46–48. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-46-48. EDN OUPRHN.
9. Моданов В.В. Некоторые особенности правового регулирования института завещательных распоряжений в гражданском праве Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 5. С. 71–74. EDN TUDXIB.

© Яворский Сергей Анатольевич (491899@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»